

Юй Сьюань и Цзян Цютун, хоть и приходились друг другу близкими кузенами и вместе выросли, характерами отличались разительно.

Цзян Цютун — человек сдержанный, закрытый. Всё в нём казалось подёрнутым дымкой: и привязанность, и неприязнь выражались едва уловимо, словно зеркало глубоких, неподвижных вод осеннего омута, чьё дно невозможно разглядеть. Юй Сьюань же был его полной противоположностью: открытый, неистовый, точно золотое пламя. Его любовь дарила жизнь, а ненависть выжигала дотла. Рядом с ним можно было либо согреться, либо сгореть без остатка.

Узнав, что Цзи Яо едет к нему, Сьюань буквально засиял от восторга. Он спешно вылизал до блеска свою холостяцкую берлогу и в самом приподнятом настроении умчался в аэропорт.

По дороге из терминала они проходили мимо туалетов. Сьюань выразительно заиграл бровями, ухмыльнувшись с прозрачным намёком. Цзи Яо мгновенно всё понял и шутливо щёлкнул его по лбу. Хотел было напустить на себя строгий вид и обозвать пошляком, но не выдержал и сам прыснул от смеха.

Так они и стояли посреди суевающейся толпы у мужского туалета, глупо хихикая, как мальчишки. Отсмеявшись, Сьюань уверенно перехватил ладонь Цзи Яо и, никого не стесняясь, увлёк его за собой.

У Цзи Яо дрогнуло сердце. Он скользнул взглядом по Сьюаню — они были примерно одного роста, и, повернув голову, Яо залюбовался его мужественным, словно высеченным из камня профилем. Повинуясь внезапному порыву, он попытался высвободить ладонь, но пальцы Сьюаня лишь крепче сжали его руку.

Почувствовав этот взгляд, Сьюань не повернулся, продолжая смотреть перед собой, но ласково погладил большим пальцем тыльную сторону его ладони.

— О чём задумался? — спросил он совершенно буднично. — Пошли домой.

Цзи Яо опустил ресницы, пряча непрошенные эмоции. Чуть прикусил губу, но в следующую секунду уже мягко улыбнулся. Игнорируя любопытные, недоуменные, а порой и откровенно безразличные взгляды прохожих, он переплёл свои пальцы с его.

— Пошли.

Далеко не каждый наберётся смелости бросить вызов устоям общества. Пусть за закрытыми дверями Цзи Яо позволял себе совратить женатого преподавателя, перепихнуться на баскетбольной площадке со школьным приятелем или пуститься во все тяжкие на глазах у лучшего друга — для внешнего мира он оставался благопристойным сыном и примерным студентом.

Ему не хватало духу совершить каминг-аут, открыто заявить о своей ориентации при свете дня. Большинство таких, как они, ютились на задворках нормальной жизни, точно тени, устраивая свой тайный пир там, куда не проникали лучи солнца.

Но даже у самых осторожных людей порой случаются моменты, когда хочется наплевать на условности и совершить какое-нибудь безумство. Крепко сжав ладонь Сыюаня, Цзи Яо сначала шёл спокойно, но затем ускорил шаг. И вот они уже бежали рука об руку сквозь многолюдный терминал аэропорта. Зимнее солнце, пробиваясь сквозь панорамные стеклянные стены, щедро заливало их тёплым светом. Они переглянулись на бегу и залились весёлым смехом, чувствуя, как грудь распирает шальной, пьянящий восторг.

Огромный вокзал, бесконечный коридор, залитый яркими лучами, — им было безумно, непередаваемо хорошо. Возле самых дверей они наконец остановились. Тяжело дыша, они смотрели друг на друга и улыбались: у Цзи Яо съехал набок капюшон толстовки, а пальто Сыюаня изрядно помялось.

Сыюань заботливо поправил воротник Цзи Яо, стянул с себя шарф и тяжёлое пальто, перебросив их через руку.

— Последний раз я так бегал, только когда кузен гонялся за мной с указкой ради «укрепления здоровья», — притворно вздохнул он. — Ну и вид у нас.

Кое-как переведя дух, Цзи Яо с хитрой улыбкой потянулся к нему и мимолётно чмокнул в щёку.

— Умница.

Сыюань ухмыльнулся, коснувшись поцелованного места, а затем шутливо покосился на Яо и постучал пальцем по другой щеке:

— Да ты совсем не умеешь подлизываться. Халтура!

Цзи Яо покачал головой и, рассмеявшись, послушно запечатлел поцелуй и на второй щеке.

Проходивший мимо мужчина, заметив это, демонстративно и громко сплюнул под ноги:

— Блядь, грёбанные гомосеки... Хоть бы при людях не позорились, тошнит уже!

Цзи Яо нахмурился и уже сделал шаг в сторону хама, но Сыюань удержал его за плечо.

— Сто лет назад на первых китайских студентов, рискнувших выйти на улицу без традиционных шёлковых одеяний, плевали точно так же, — невозмутимо обронил он.

Увлекая Цзи Яо к парковке, он продолжал:

— Всё, что люди воспринимают сегодня как должное, когда-то отвоёвывалось кровью и потом. Нас презирают, верно. Но кто знает — может, это и есть та цена, которую наше поколение платит за то, чтобы те, кто придут после нас, могли спокойно ходить при свете дня?

Он помолчал и добавил:

— Главное, что мы сами знаем: в наших чувствах нет ничего дурного. Этого достаточно.

Цзи Яо промолчал, лишь плотнее сжал губы.

"Ходить при свете дня... Звучит как несбыточная сказка"

Когда они устроились в машине, Сыюань потянулся к нему, чтобы пристегнуть ремень безопасности. Цзи Яо иронично вскинул бровь:

— Я и сам могу справиться.

Он терпеть не мог, когда с ним нянчились как с девицей. Пусть в постели он и предпочитал быть снизу, в обычной жизни у него имелись свои руки и ноги, и обслуживать себя он предпочитал самостоятельно.

Сыюань тихо рассмеялся. Он ласково взъерошил волосы Цзи Яо, а затем, подавшись вперёд, внезапно накрыл его губы долгим, тягучим поцелуем.

Когда они наконец оторвались друг от друга, Цзи Яо смахнул большим пальцем влагу с губ. Дыхание его заметно сбилось.

— Знаю я, — Сыюань не сводил с него сияющих, полных нежности глаз. — Просто искал повод украсть поцелуй.

Глядя на красивое лицо Сыюаня, Цзи Яо не мог понять, чего в его душе сейчас больше — облегчения или горького сожаления.

Он радовался своей эмоциональной глухоте, тому, что до сих пор не увяз в этих отношениях с головой. И всё же где-то на самом дне копошилась глухая тоска: этот идеальный мужчина никогда не станет его судьбой.

Сыюань прекрасен, по-настоящему прекрасен. Не будь сам Цзи Яо ветреной и эгоистичной тварью, проведи он остаток дней рядом с этим человеком — они наверняка были бы невероятно

счастливы.

Они едва переступили порог квартиры, и Сыюань не успел даже разуться, не говоря уже о том, чтобы устроить гостю экскурсию, как Цзи Яо толкнул его спиной к двери. Схватив Сыюаня за галстук, он рванул его на себя и впился в его губы требовательным, изголодавшимся поцелуем.

Искренность Сыюаня в аэропорту зацепила его сильнее, чем он готов был признать. Всю дорогу в машине Цзи Яо сдерживал себя из-за руля, но теперь, оставшись наедине, не собирался терять ни секунды. Впрочем, сказывался и жестокий голод: Цзян Цютун мариновал его слишком долго, доведя до крайней степени истощения.

Сыюань, разумеется, ни о чём не догадывался. Его лишь обескуражила столь бурная страсть. Если память ему не изменяла, всего пару дней назад они развлекались по телефону — тогда Яо, всхлипывая, умолял поиметь его и в процессе залил семенем всю постель.

Воспоминание о том, как белые брызги разлетались в полумраке, до сих пор будоражило воображение.

Удивление быстро сменилось чистым восторгом. Обхватив Цзи Яо за талию, Сыюань ответил на поцелуй со всей пылкостью, долго и упоенно лаская его губы, прежде чем наконец отстраниться.

— Сходи в душ, — выдохнул Сыюань, мягко коснувшись кончика его носа. — Устал небось с дороги и проголодался. А пока ты моешься, я приготовлю ужин.

Он заговорщически подмигнул, развернул Цзи Яо за плечи и бережно препроводил в ванную комнату, предварительно вручив ему чистую домашнюю одежду и свежее полотенце.

Цзи Яо остался стоять посреди ванной в полнейшем недоумении. Дверь перед его носом захлопнулась с тихим щелчком.

"Какого чёрта? — мысленно взвыл он от досады. — Разве мы не должны были прямо сейчас устроить жаркий трах в честь воссоединения? Почему он добровольно отказался от такого лакомого куска? Куда делся тот безумец, который готов был оприходовать меня прямо в аэропорту?!"

Этот праведник за дверью точно фальшивка. Не может настоящий Сыюань вести себя так благочестиво!

А в это время «фальшивый» Сыюань, вооружившись щипцами, уже всю хлопотал у плиты, обжаривая сочные стейки.

В старшей школе он уехал учиться в Штаты, где и остался вплоть до окончания университета.

Родители планировали, что сын обоснуется за границей, но на третьем курсе Сыюань совершил каминг-аут. Дома разразился жуткий скандал, едва не стоивший ему диплома. С трудом завершив обучение, он был вынужден вернуться в Китай и искать работу на родине.

Тем не менее многолетние привычки взяли своё: прожив столько времени в Америке, он привык к европейской кухне куда больше, чем к традиционной китайской. Вот и для Цзи Яо он решил приготовить своё коронное блюдо.

Когда Сыюань приправлял мясо свежемолотым чёрным перцем, со спины к нему бесшумно подкрались и крепко обняли за талию. Он даже не обернулся — лишь расплылся в счастливой улыбке.

Когда любишь кого-то, само его присутствие рядом заставляет лицо невольно озаряться теплом.

Влажная после душа голова Цзи Яо устроилась на плече Сыюаня. Тот прикусил губу, когда Яо лениво запечатлел поцелуй на его обнажённом затылке. У Сыюаня была короткая стрижка и красивая длинная шея; когда он наклонял голову, эта полоска золотисто-бронзовой кожи казалась Цзи Яо невероятно притягательной. Впрочем, Сыюань был чертовски хорош во всём, за что бы ни брался.

— Какая хозяйственная хозяйюшка, — нежно поддразнил его Яо.

Поцелуй вышел лёгким, почти невесомым, словно прикосновение крыльев бабочки.

Сыюань скосил глаза, не прерывая своего занятия, безошибочно нашёл губы партнёра и подарил ему ответный поцелуй — до неприличия нежный и невинный.

— Не мешай, — со смешком осадил он его. В этом напускном строгом тоне сквозила такая ласка, словно он журил капризного ребёнка.

Цзи Яо слегка насупился. Как пелось в одной старой популярной песне: «Те, кого любят, всегда наглеют без зазрения совести». И Яо пользовался этим напрапую. Ему показалось, что его беспардонно обделили вниманием — подумать только, какая-то коровья вырезка оказалась для Сыюаня важнее него!

Внутри заворочался капризный бесёнок, требующий немедленных ласк и объятий.

Яо обвил руками его шею и, словно гибкая змея, принялся покрывать тело Сыюаня дразнящими поцелуями сквозь тонкую ткань рубашки: скользил губами по лопаткам, поднимался к плечам, ласкал шею, мочку уха и, наконец, добрался до щеки.

Сыюань замер. Сердце забилося чаще, а в душе смешались досада и нежность. Видя, что Яо

окончательно разошёлся, он не выдержал:

— Яояо.

— М-м? — отозвался тот, довольный, что наконец перетянул одеяло на себя.

— Я люблю тебя, — внезапно вырвалось у него.

Сыюаню было и смешно, и чуточку неловко. Рядом с Цзи Яо он вообще ловил себя на том, что улыбка не сходит с его лица. Их роман завязался слишком легкомысленно, и за всё время, что они были вместе, они ни разу не признавались друг другу в чувствах вне постели.

Для Сыюаня слова о любви требовали особой, торжественной обстановки. Даже зная, что это взаимно, он не хотел бросаться ими мимоходом. Он планировал устроить изысканный ужин при свечах, дожидаться идеального момента, открыть душу, а затем затащить Яо в постель, чтобы вместе встретить канун Нового года.

Но человек предполагает, а бог располагает. Впрочем, так вышло даже лучше.

Стрелки часов приближались к без десяти пять. За окном серели унылые сумерки — ни солнца, ни неоновых огней мегаполиса. Никакого пафосного ресторана с дорогим вином, никакой скрипки на заднем плане и изысканных ароматов.

Обычная тесная кухня, шкворчащее на сковороде масло, заваленный зеленью и специями стол, лёгкий чад и настырный гул вытяжки.

И посреди всего этого хаоса Сыюань признался ему в любви. Буднично, будто невзначай.

К чёрту антураж, безупречный сценарий и глупые правила. В ту секунду, когда Цзи Яо прижался к его спине и он ощутил стук чужого сердца, каждая клетка его тела закричала о том, как сильно он привязан к этому взбалмошному парню. Каждое мгновение, проведённое вместе, заставляло его сердце совершать кульбиты.

И он должен был произнести эти слова. Здесь и сейчас.

Ведь настоящая любовь удивительно проста. Когда отсекаешь мишуру надуманных драм и дешёвых ухищрений, остаётся лишь одно искреннее желание — протянуть человеку своё сердце на ладони.

Цзи Яо застыл, не в силах скрыть изумления.

В его представлении Сыюань и Цзян Цютун были во многом похожи: оба выстроили вокруг себя глухую оборону, очертив невидимую границу, за которую никого не впускали. Цзи Яо наивно полагал, что между ними установился негласный уговор: не ворошить прошлое, не загадывать наперёд и просто наслаждаться моментом.

Но во взгляде Сыюаня читалась такая обезоруживающая серьёзность, что Яо на мгновение укололо редкое для него чувство вины. Впрочем, укол совести испарился так же быстро, как и возник. Ослепительно улыбнувшись, он притянул лицо Сыюаня к себе.

— Я тоже, — прошептал он в самые губы перед тем, как утонуть в поцелуе.

Ужин был безнадежно испорчен. С сожалением вздохнув, Сыюань выключил плиту и, подхватив рванувшегося к нему Цзи Яо под бёдра, прижал его к себе, отвечая на поцелуй с накопившимся голодом.

Яо обхватил его талию ногами, не разрывая поцелуя, и принялся лихорадочно шарить ладонями под рубашкой, жадно сминая горячую кожу.

Решимость Сыюаня в аэропорту и это внезапное признание задели в его душе нужные струны, заставляя кровь бурлить от желания. Всё-таки секс, подкреплённый хотя бы иллюзией чувств, приносил куда больше удовольствия, чем банальное удовлетворение плоти.

В самый разгар их ласк из прихожей донёсся скрежет замка. Дверь со щелчком распахнулась, и звонкий женский голос весело разнёсся по квартире:

— Сыюань, я тут позавчера оставила свою...

Фраза оборвалась на полуслове.

Оба замерли и синхронно повернули головы к выходу. На пороге стояла женщина, ошарашенно глядя на раскинувшуюся перед ней картину.

В воздухе повисла звенящая, почти осязаемая неловкость. Все трое оцепенели, не зная, куда деть глаза.

Тем временем в аэропорту города Н Цзян Цютун закрыл книгу, подхватил дорожную сумку и направился к выходу из самолёта.

До Нового года оставался всего один день.

<http://bllate.org/book/20554/2132206>